

ЦИКЛЫ РЕФОРМ–КОНТРЕФОРМ В РОССИИ И ИХ СВЯЗЬ С ЦИКЛАМИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

В.И.Пантин

Ключевые слова: политическое развитие, реформы, контрреформы, циклы, волны, политическое прогнозирование.

РОЛЬ ЦИКЛИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ИССЛЕДОВАНИИ И ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Циклы и волны политического развития имеют значительный аналитический и прогностический потенциал, который, однако, часто недооценивается и используется далеко не в полной мере. Во многом это связано с инерцией мышления многих исследователей, привыкших к схемам линейно-прогрессистского развития общества, а также со сложностью точного и строгого доказательства наличия циклов и волн в политике и социальной сфере. Последнее обстоятельство объясняется тем, что общество, в отличие от неживых физических систем, характеризуется не только невероятной сложностью и способностью людей принимать осознанные решения (т.е. до определенной степени корректировать, изменять свое развитие), но и ярко выраженной изменчивостью, динамизмом. Более того, для политического, экономического, социального и культурного развития, как правило, наблюдается наложение разных трендов, причем не только взаимодействие поступательной и колебательной составляющих, но и наложение колебательных (циклических) трендов, различающихся по своей частоте и амплитуде. Отсюда следует, что простые математические формулы, столь успешно работающие при описании физических объектов, далеко не всегда можно применить к исследованию сверхсложных и постоянно эволюционирующих социальных и политических систем.

В связи с этим циклы и волны в политическом развитии носят достаточно сложный, не всегда очевидный характер, и их не так-то просто выявить и описать, особенно в количественном плане. В то же время следует отметить, что целый ряд европейских и особенно американских политологов, историков и специалистов по геополитике активно и во многих случаях довольно успешно использовали циклы и волны политического развития для анализа и прогнозирования внутри- и внешнеполитических процессов. Так, выдающийся французский историк, один из основоположников исторической школы “Анналы” и мир-системного подхода Ф.Бродель большое значение придавал циклам политического и экономического развития, в том числе для прогнозирования будущего [Бродель 1992: 65-84, 640-653]. Американский исследователь А.М.Шлезингер-ст. еще в 1920-е годы сделал верный прогноз внутривнутриполитического развития США на основании выделенных им циклов американского политического развития, включавших чередование либеральных реформ и консервативной реакции на них. Его сын, выдающийся американский политолог А.М.Шлезингер-мл., позднее писал о своем отце: “Формулировка Шлезингера, первоначально изложенная им на лек-

ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, зав.отделом ЦЭСПИ ИМЭМО РАН.
Для связи с автором: v.pantin@mail.ru

ции в 1924 г., включала в себя предсказание, что консерватизм в стиле Кулиджа просуществует примерно до 1932 г. Данная мысль вызвала у одного из присутствовавших огорченное восклицание: “Боже мой!” (Воскликнувший – Дэвид К. Найлз – стал при наступлении следующего либерального периода одним из специальных помощников Рузвельта и Трумэна.) В первой опубликованной работе на эту тему “Приливы в американской политической жизни”, увидевшей свет на страницах “Йейл ревью” в декабре 1939 г., он предсказал, что преобладавшие тогда либеральные настроения иссякнут примерно к 1947 г. Выступая с обновленной аргументацией в 1949 г. в “Путях к настоящему”, мой отец писал: “Отход от либерализма, который начался в 1947 г. (с началом работы конгресса 80-го созыва, названного Трумэном “бездеятельным, ни на что не годным”), должен прекратиться в 1962 г., возможно, на год-два раньше или позже. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что следующая консервативная эпоха наступит где-то около 1978 года” [Шлезингер 1992: 43]. Те, кто знакомы с внутривнутриполитическим развитием США, могут оценить чрезвычайно высокую точность этих прогнозов, базирующихся на циклах американской политической жизни.

Циклы внешней политики США, включающие фазы “экстраверсии” – активной американской внешнеполитической и военной экспансии, и фазы “интроверсии” – преимущественной сосредоточенности США на внутренних проблемах, были описаны Ф.Л.Клингбергом [Klingberg 1952; Klingberg 1983]. На основании этих циклов Клингберг в 1952 г. предсказал, что США будут вынуждены отойти от активной экспансии (“вовлеченности в мировые дела”) где-то в 1960-е годы. В реальности это произошло в конце 1960-х – начале 1970-х годов в связи с войной во Вьетнаме и целым рядом экономических кризисов. В 1978 г. Клингберг предсказал, что “первые признаки сдвига в сторону экстраверсии” станут “явными, пожалуй, к 1983 г.” (цит. по: [Шлезингер 1992: 72]). Как известно, после “интровертной” фазы 1970-х годов, на протяжении которой США были заняты внутренними проблемами и не слишком препятствовали внешнеполитической экспансии СССР, с 1981-1982 гг. при Р.Рейгане они перешли к активной внешней политике и к новому витку гонки вооружений (колоссальная программа перевооружения армии, развертывание новых видов вооружений); затем последовала операция “Буря в пустыне” в 1991 г., распад СССР, расширение НАТО на восток, операции США в Сомали, Боснии, Косово, Афганистане, Ираке и т.п. Примечательно, что в период начавшейся в 1981-1983 гг. “экстравертной” фазы, которая была предсказана Клингбергом, США проводили чрезвычайно активную внешнюю политику независимо от того, кто был президентом – республиканцы Р.Рейган и Дж.Буш-ст., демократ У.Клинтон или снова республиканец Дж.Буш-мл. Поскольку “экстравертная” фаза во внешней политике США длится, согласно Ф.Клингбергу, в среднем около 27 лет, логично предположить, что военная и внешнеполитическая активность Соединенных Штатов должна несколько снизиться после 2010 г., что во многом и наблюдается в действительности. В частности, США из-за груза внутренних проблем и финансовых затруднений вынуждены постепенно выводить свои войска из Ирака и Афганистана. Правда, это все же не исключает новых военных операций США в ближайшем будущем; просто интенсивность военной и политической экспансии США в мире на время несколько снизилась.

Американский исследователь русского происхождения П. Турчин, основываясь на структурно-демографических процессах и циклах политической нестабильности, разработал концепцию развития крупных государств, а также дал среднесрочный прогноз социально-политической динамики США до 2020 г. [Turchin 2003; Turchin, Nefedov 2009; Турчин 2010: 10–20]. П. Турчин, в частности, сделал следующий важный прогноз, касающийся динамики американского общества и государства: “Несколько колебательных процессов общественного развития – вековой цикл, цикл отцов и детей, ‘молодежный горб’ и кондратьевский цикл – накладываются друг на друга таким образом, что их давление на стабилизирующие структуры общества достигнет пика примерно в 2020 г. Сможет ли политическая система США выдержать это давление или нет, покажет будущее” [Турчин 2010: 19–20]. Следует подчеркнуть, что прогноз П. Турчина основан на фундаментальных тенденциях исторического развития и потому представляет чрезвычайно большой интерес.

В то же время, в отличие от США и ряда других стран, в России проблематика циклов политического развития и прогнозов на их основе в настоящее время находится на периферии большинства политологических исследований, а также исследований по мировой политике и международным отношениям. Внимание российских исследователей сосредоточено главным образом на циклах и волнах экономического развития, в то время как циклы и волны политического развития (или же политические аспекты экономических циклов, например, длинных волн Кондратьева), как правило, остаются в тени. Вместе с тем некоторые российские авторы весьма вольно обращаются с историей, подчас произвольно конструируя разного рода циклические закономерности, не позволяющие прогнозировать реальные политические и социальные процессы. Очевидно, что одним из главных критериев истинности той или иной концепции (в данном случае циклически-волновой) является ее обоснованность и способность не только объяснять уже произошедшие политические явления, но, что более важно, верно предсказывать ключевые политические события, изменения и сдвиги. К числу концепций, которые подтвердили свой значительный прогностический потенциал, относится концепция больших циклов мировой конъюнктуры (длинных волн), основоположником которой является выдающийся русский ученый Н. Д. Кондратьев [Кондратьев 1989].

ЦИКЛЫ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ–КОНТРЕФОРМ И ЦИКЛЫ КОНДРАТЬЕВА

В политическом развитии России за последние два века отчетливо прослеживается нелинейность и волнообразность, которая проявляется, в частности, в циклах реформ–контрреформ (при этом, разумеется, существуют и другие волны и циклы российского политического развития). Российские реформы и контрреформы подробно описаны в целом ряде исследований [Янов 1991; Янов 1997; Пантин 2004: 192–213; Пантин, Лапкин 2006: 122–124], поэтому здесь имеет смысл дать лишь их краткую характеристику. Отметим, прежде всего, что критерием относительно либеральных реформ является освобождение отдельных слоев или большинства российского общества от крепостной зависимости или от государственного закрепощения, развитие в России частной инициативы и предпринимательства, индивидуализация общества и общее оживление политической жизни, а критерием антилиберальных

контрреформ служит установление более или менее жесткого авторитарного или тоталитарного режима, закрепощение отдельных слоев или большинства российского общества, подавление частной инициативы и политической жизни, резкое усиление бюрократического государства и его репрессивных органов. С начала XIX в. в России четко прослеживается чередование относительно либеральных, раскрепощающих реформ и антилиберальных, закрепощающих большинство общества контрреформ. Вслед за реформами первых лет царствования Александра I (“дней Александровых прекрасное начало”) в последние годы правления того же Александра I последовали аракевщина, военные поселения, а затем наступила пора контрреформ Николая I, включавших учреждение Корпуса жандармов и III Отделения, проведение ряда политических процессов и т.п. (первый цикл реформ—контрреформ). После великих реформ 1860-х годов Александра II, включавших отмену крепостного права и освобождение крестьян, в 1880-е — начале 1890-х годов последовали умеренные контрреформы Александра III, “заморозившие” политическое развитие страны (второй цикл реформ—контрреформ).

Вслед за довольно радикальными по российским меркам реформами Витте — Столыпина разразилась сначала Февральская, а затем Октябрьская революция, которая привела к установлению диктатуры большевиков, террору и гражданской войне, а затем к коллективизации и репрессиям 1930-х — 1940-х годов. В итоге этот третий цикл реформ—контрреформ радикально преобразовал всю Россию, сделав из нее сверхдержаву ценой фактического уничтожения основы прежнего российского общества — дворянства и крестьянства. Важно подчеркнуть, что российские циклы реформ—контрреформ продолжались несмотря на то, что на смену Российской империи пришел Советский Союз. Четвертый цикл реформ—контрреформ начался с реформ Хрущева, в ходе которых был в основном ликвидирован ГУЛАГ, колхозники получили паспорта и свободу передвижения (“второе освобождение крестьян”), а завершился умеренными охранительными контрреформами Брежнева — Сулова (так наз. застоём). Одно из важных событий этого цикла заключалось в попытке провести реформу Косыгина в 1965-1968 гг., которая в случае ее последовательного осуществления могла бы способствовать постепенному переводу экономики СССР на рыночные рельсы. Однако эта реформа, в силу внутри- и внешнеполитических причин так и не была реализована, что обусловило дальнейший кризис и распад советского государства.

Пятый цикл реформ—контрреформ начался с реформ М.С.Горбачева, которые проводились в условиях внутрипартийной борьбы и множества накопившихся острых проблем и в итоге привели к распаду Советского Союза. Однако на этом либерально-рыночные реформы отнюдь не завершились, напротив, они были проведены в Российской Федерации, ставшей преемницей СССР, под руководством Б.Н.Ельцина. В то же время эти реформы сопровождалась резкой имущественной дифференциацией, криминализацией общества, сращиванием криминального бизнеса с не менее криминальным чиновничеством и силовыми структурами. Более того, они поставили под вопрос целостность и суверенитет России, что не могло не привести к реакции в виде умеренных контрреформ, осуществлявшихся после 2000 г. под лозунгом “стабилизации”. В результате этих умеренных контрреформ ключевые позиции вместо прежних “олигархов” заняли представители бюрократии и силовых структур, но в

целом расклад сил в правящей элите изменился незначительно, а серьезнейшие проблемы, стоявшие перед страной, так и не были решены.

Чем же обусловлено наличие циклов реформ–контрреформ в России в последние два века, что лежит в их основе? Очевидно, что помимо внутривластных причин (слабости гражданского общества, раскола в среде правящей элиты и всего российского социума, постоянной борьбы славянофилов /почвенников/ и западников, радикальных социалистов и не менее радикальных либералов, борьбы, которая мешает выработке взвешенного и учитывающего интересы разных социальных групп политического курса), важную роль для России, находящейся между Западом и Востоком, играют внешнеполитические и внешнеэкономические факторы. Ранее было показано наличие корреляции между российскими циклами реформ–контрреформ и циклами Кондратьева (длинными волнами) мировой конъюнктуры [Пантин 1996: 38-40; Пантин, Лапкин 2006: 306-308]. Как известно, каждый цикл Кондратьева состоит из повышательной волны, в ходе которой на мировом рынке доминирует высокая конъюнктура, и понижательной волны, в ходе которой преобладает низкая конъюнктура и наблюдается относительное перенакопление капитала (см. табл.).

Таблица

Циклы реформ–контрреформ в России и циклы Кондратьева

Цикл	Реформы и контрреформы в России	Волны циклов Кондратьева
I	Реформы Александра I Реформы 1802-1803 гг., проекты Сперанского 1809-1810 гг.	Повышательная волна с конца 1780-х до 1810-1817 гг.
I	Контрреформы Николая I с 1825 до 1855 гг.	Понижательная волна с 1810-1817 гг. до конца 1840-х – начала 1850-х годов.
II	Реформы Александра II “Великие реформы” 1860-х – начала 1870-х годов.	Повышательная волна с начала 1850-х годов до начала 1870-х годов.
II	Контрреформы Александра III с 1881 г. до 1894 г.	Понижательная волна с начала 1870-х годов до середины 1890-х годов.
III	Реформы Витте – Столыпина с 1897 г. до 1910 г.	Повышательная волна с середины 1890-х годов до 1921 г.
III	Утверждение тоталитаризма с 1917 г. до начала 1950-х годов.	Понижательная волна с 1921 г. до середины 1940-х годов.
IV	Реформы Хрущева – Косыгина с 1956 г. до 1968 г.	Повышательная волна с 1945 г. до конца 1960-х годов.
IV	“Застой” Брежнев – Сулова с 1968 г. до 1985 г.	Понижательная волна с конца 1960-х годов до 1983 г.
V	Реформы Горбачева – Ельцина с 1985 г. до конца 1990-х годов.	Повышательная волна с 1983 г. до начала 2000-х годов.
V	“Стабилизация” и “вертикаль власти” с 2000 г. до конца 2010-х – начала 2020-х годов.	Понижательная волна с начала 2000-х годов до 2017 – 2019 гг.

Обратим внимание, что, учитывая незавершенность нынешнего цикла, в таблице приведен прогноз процессов, которые еще не завершились. Иными словами, на основании предшествующей циклической динамики российского и мирового развития сделан определенный прогноз. Из таблицы следует, что либеральные реформы в России приходятся на периоды повышательных волн циклов Кондратьева, когда мировая рыночная экономика бурно развивается и сравнительно легко преодолевает кризисы; напротив, антилиберальные, закрепощающие общество российские контрреформы соответствуют периодам понижательных волн циклов Кондратьева, когда мировая рыночная экономика развивается неустойчиво и переживает глубокие кризисы и депрессии. При этом пик многих российских реформ, соответствующий осуществлению наиболее важной реформы, довольно точно приходится на самую середину повышательной волны кондратьевского цикла. Так, пик реформ Александра I пришелся на 1802 – 1803 гг. (середина повышательной волны соответствует 1801 г.), пик реформ Александра II пришелся на 1861 г. (середина повышательной волны – 1861 г.), пик реформ Витте – Столыпина был достигнут в 1906 – 1908 гг. (середина повышательной волны – 1909 г.), пик реформ Хрущева – Косыгина наблюдался в 1956 г. (середина повышательной волны – 1957 г.), пик реформ Горбачева – Ельцина пришелся на 1993 г., когда была принята новая Конституция России (середина повышательной волны – 1993 г.). Наиболее простое и логичное объяснение такой корреляции состоит в том, что в периоды повышательных волн, особенно на их пике, экономическое, политическое и военное давление успешно развивающихся стран Запада на Россию резко возрастает (кроме того, на российское руководство влияет и успешный пример западных государств – так наз. демонстрационный эффект), и Россия, чтобы не отстать, вынуждена осуществлять либеральные реформы, способствующие притоку иностранного капитала и новых технологий.

Однако через некоторое время выясняется, что даже самые либеральные реформы в России, несмотря на частичное улучшение отношений с западными странами и некоторое высвобождение предпринимательской инициативы, не создают нужный инвестиционный климат, а способствуют росту злоупотреблений и коррупции, что в итоге ведет к потере управляемости страной. Кроме того, в ходе либеральных реформ происходит резкая имущественная дифференциация и политическая поляризация, и в российском обществе намечается политический и идеологический раскол, затрагивающий как элитные, так и массовые группы. Все это приводит к глубокому кризису, который разрешается путем перехода к более или менее радикальным контрреформам. Но переход к контрреформам становится возможным именно тогда, когда повышательная волна цикла Кондратьева сменяется понижательной волной, поскольку мировая рыночная экономика входит в полосу тяжелых кризисов и депрессий и давление западных стран на Россию резко ослабевает.

На первых порах контрреформы, проводимые новым более или менее жестким авторитарным режимом, уменьшают идейно-политический раскол в российском обществе. Это позволяет решить некоторые неотложные внутренние проблемы и даже способствует более динамичному, чем прежде, экономическому росту, в обеспечении которого важную роль играет государство и проводимая им политика. В качестве примера можно привести контрреформы

Александра III в 1880-е годы, которые с помощью протекционистской политики государства позволили привлечь в Россию иностранный капитал и развить тяжелую промышленность, или же контрреформы Брежнева – Суллова, которые на первых порах способствовали стабильному развитию советской экономики и консолидации политической элиты. Однако через некоторое время авторитарный режим, осуществляющий контрреформы, переоценивает свои возможности и начинает терять представление о реальном положении дел в стране и в мире. В результате постепенно накапливается груз неразрешенных проблем и противоречий, а имеющиеся в наличии ресурсы для их разрешения иссякают. В конце концов авторитарное руководство совершает крупные ошибки или ввязывается в военные авантюры, которые заканчиваются плачевно. Так возникают условия для осуществления очередных либеральных реформ, с которых начинается новый цикл реформ–контрреформ в России. Таким образом, последовательность реформ–контрреформ завершается.

Следует, однако, подчеркнуть, что, вопреки многочисленным концепциям “кругового” движения России по одной и той же траектории, в действительности циклы российских реформ–контрреформ представляют собой витки модернизационного развития. В результате каждого такого цикла российское общество существенно преобразуется и модернизируется, а контрреформы, даже радикальные, не уничтожают все, что было сделано в период реформ, а скорее дают возникшим политическим и экономическим институтам другое направление развития. Достаточно сравнить уровень развития России в начале 1800-х годов, когда начались либеральные реформы Александра I, и в середине 1850-х годов, когда завершились контрреформы Николая I. В то же время модернизация через циклы реформ–контрреформ безусловно является чрезвычайно тяжелым и расточительным путем развития, она ведет к расхищению огромных человеческих и материальных ресурсов, поскольку теряется преемственность и часть созданного в предшествующий период неизбежно разрушается.

Таким образом, резкие и подчас драматичные повороты в российской внутренней и внешней политике вовсе не являются случайными, они обусловлены своеобразной динамикой политического и социально-экономического развития в логике циклов реформ–контрреформ. В свою очередь, циклы российских реформ–контрреформ тесно связаны с циклами мирового политического и экономического развития, прежде всего с циклами Кондратьева. Конечно, большую роль в этих циклах играют конкретные политические лидеры и их действия, но сам приход к власти этих лидеров и их политика отнюдь не являются случайными. В этой связи становится ясным, что все попытки объяснить российскую политическую историю “неожиданными”, “внезапными” прихотями, личными качествами и пристрастиями того или иного лидера (например, Александра I, Николая I, Николая II, Сталина, Брежнева или Ельцина) изначально являются неполными и ущербными, поскольку они не учитывают смену трендов российского и мирового развития, которая непосредственно влияет на политику, проводимую тем или иным лидером и окружающей его элитой. Отсюда следует, что повороты в российской политике, как и повороты в мировом политическом и экономическом развитии, объясняются не столько личными качествами и характером данного лидера (хотя, разуме-

ются, они играют определенную роль), сколько конкретной ситуацией, которая оказывает решающее влияние на действия, достижения и ошибки этого политического лидера, будь то Александр I, Николай II, Ленин, Сталин или Брежнев. А сама эта конкретная ситуация, как показывает анализ, развивается не только поступательно, но и волнообразно, путем чередования различных волн, во многом обуславливающих как российское, так и мировое развитие.

ТАЙНА РОССИЙСКИХ КАТАСТРОФ

Несмотря на все сказанное выше, все же остаются не вполне понятными причины “великих потрясений”, которые время от времени приводят к крушению российской государственности. Здесь имеются в виду прежде всего такие потрясения, как крушение Российской империи в 1917 г. и распад Советского Союза в 1991 г. Можно ли объяснить эти драматические во всех отношениях события с помощью циклов реформ—контрреформ и циклов мирового развития? Оказывается, да, можно. Однако для этого необходимо более глубоко проанализировать природу циклов Кондратьева и увидеть глобальные эволюционные процессы, которые за ними стоят. Более детальное исследование показывает, что каждый цикл Кондратьева представляет собой половину полного цикла эволюции мировой политической и экономической системы. Иными словами, полный эволюционный цикл, в результате которого в мире происходит исчерпывающее развитие новой системы взаимосвязанных технологий (технико-экономической парадигмы) и данной системы политических и экономических институтов, состоит из двух циклов Кондратьева, т.е. из двух повышательных и двух понижательных волн [Маевский 1994; Пантин 1996; Пантин, Лапкин 2006; Полтерович 2009: 4–22]¹. Так, полное развитие машин и технологий на базе парового двигателя произошло на протяжении двух кондратьевских циклов — с конца 1780-х годов до середины 1890-х годов. Соответственно, развитие конституционных монархий, парламентов, основанных на избирательном праве для меньшинства населения, и утверждение государств-наций в Европе с соответствующими элитарными политическими партиями произошли на протяжении первого и второго кондратьевских циклов (кстати говоря, цикл революций во Франции с 1789 г. до 1871 г., приведший к окончательному установлению буржуазной республики, почти точно соответствует двум первым циклам Кондратьева). Таким образом, первый и второй циклы Кондратьева, длившиеся с конца 1780-х до середины 1890-х годов, образуют *первый полный цикл* эволюции мировой (тогда европоцентричной) политической и экономической системы эпохи индустриального общества.

Точно так же доминирование отраслей и технологий, основанных на использовании двигателя внутреннего сгорания, производстве стали, неорганической и органической химии, тяжелой энергоемкой промышленности, продолжалось на протяжении третьего и четвертого кондратьевских циклов, т.е. с середины 1890-х годов до начала 1980-х годов. В этот же период наивысшее развитие получили массовые политические партии, профсоюзы, а большинство западных государств стали парламентскими республиками или монархиями,

¹ Концептуализация такого рода циклической динамики в контексте политической истории осуществляется В.В.Лапкиным [см. Лапкин 2010а; Лапкин 2010б] в рамках парадигмы эволюционных циклов международной экономической и политической системы.

где монарх играет чисто символическую роль; в то же время в Азии, Африке, Латинской Америке в этот период доминировали более или менее жесткие авторитарные политические режимы. Таким образом, третий и четвертый циклы Кондратьева, длившиеся с середины 1890-х годов до начала 1980-х годов, образуют *второй полный цикл* эволюции мировой политической и экономической системы. Наконец, *третий полный цикл* эволюции мировой политической и экономической системы включает пятый цикл Кондратьева (с начала 1980-х годов до конца 2010-х годов) и будущий шестой кондратьевский цикл, который, начнется, по-видимому, в конце 2010-х — начале 2020-х годов. Для этого третьего полного эволюционного цикла в технико-экономическом плане характерно бурное развитие микроэлектроники, информационных технологий, биотехнологий, производства новых материалов, новых, экологически более чистых источников энергии. В политическом плане для третьего эволюционного цикла характерны постепенный упадок профсоюзов и массовых политических партий, манипулирование общественным сознанием, развитие PR-технологий, информационные войны, доминирование “глобализированных” финансовых и политических элит. В то же время принципиально важным процессом является постепенное перемещение центра тяжести экономического, финансового, а вслед за этим и политического развития с Запада на Восток.

Итак, полный цикл эволюции мировой политической и экономической системы включает четыре фазы. Первая фаза, которую целесообразно назвать *фазой технологического переворота*, поскольку именно в этой фазе происходит появление новых технологий и отраслей, соответствует повышательной волне цикла Кондратьева рубежа веков (конец 1780-х — период 1810 — 1817 гг., середина 1890-х — начало 1920-х годов, начало 1980-х — начало 2000-х годов). Вторая фаза, которую с полным правом можно назвать *фазой великих потрясений* в мировой политике и экономике, соответствует понижательной волне цикла Кондратьева рубежа веков (с 1810 — 1817 гг. до конца 1840-х — начала 1850-х годов, с начала 1920-х до середины 1940-х годов и современный период с начала 2000-х и до конца 2010-х годов). Именно для этой фазы характерны “великие депрессии” с их тяжелыми социальными и политическими последствиями. Третья фаза, которую можно назвать *фазой революции мирового рынка*, поскольку именно в этот период происходят ключевые геополитические и геоэкономические сдвиги, соответствует повышательной волне цикла Кондратьева середины века (начало 1850-х — начало 1870-х годов, середина 1940-х — конец 1960-х годов). Наконец, четвертая фаза, которую целесообразно обозначить как *фазу структурного кризиса* (в этой фазе происходит исчерпание и структурный кризис доминировавших прежде технологий и политических институтов), соответствует понижательной волне цикла Кондратьева середины века (начало 1870-х — середина 1890-х годов, конец 1960-х — начало 1980-х годов).

Приведенный анализ эволюционных циклов мирового развития имеет самое непосредственное отношение к объяснению российских катастроф. Обратим внимание, что и крушение Российской империи, и распад СССР (см. табл.) произошли в фазе технологического переворота. Случайно ли это? Вовсе нет. Дело в том, что в фазе технологического переворота в мире, и прежде всего в развитых странах, происходит особенно бурное технологическое, экономическое, военное и социально-политическое обновление.

Вспомним, например, что в фазе технологического переворота середины 1890-х — начала 1920-х гг. появились автомобиль, самолет, танк и многое другое, а в целом ряде стран, в том числе таких крупных, как Китай и Россия, произошли революции. В фазе технологического переворота начала 1980-х — начала 2000-х годов появились мобильные телефоны, персональные компьютеры, Интернет и другие информационные технологии, радикально изменившие мир; в этот же период произошло крушение множества авторитарных политических режимов, появились новые технологии манипулирования общественным мнением, ведения информационных войн, осуществления нужных политических переворотов.

Россия, которая в предшествующей фазе структурного кризиса (например, в начале 1870-х — середине 1890-х годов или в конце 1960-х — начале 1980-х годов) не испытывала особого политического и военного давления со стороны развитых западных стран и даже чувствовала себя одной из великих держав, благодаря мощному технологическому рывку Запада в фазе технологического переворота вдруг ощущала себя отставшей, слабой и внутренне разъединенной. К тому же, военное давление перевооружающегося Запада также всякий раз давало о себе знать. Осознающая это российская политическая элита начинала предпринимать судорожные, но запоздавшие действия, проводить относительно радикальные либеральные реформы, призванные “сделать Россию Западом”. Но, увы, оказывалось, что Россия — это не тот Запад, который привыкли видеть российские лидеры, разъезжая по странам Европы или США. Заимствованные политические институты, будь то парламент, политические партии, оппозиция, или экономические институты, будь то рынок, биржи, банки, на российской почве превращались в нечто иное, поскольку реформаторы в спешке всякий раз не учитывали российские традиции, ментальность, привычки, которые существенно отличаются от западных. В итоге либеральные реформы способствовали резкому расслоению и политической поляризации российского общества, что в итоге вело к политическому взрыву. Российская государственность, еще недавно казавшаяся столь прочной, разрушалась, но на смену прежнему государству приходило новое с новой политической и экономической элитой.

Кто же тут виноват? В бесконечных спорах монархистов, сторонников самодержавия и революционеров-большевиков или же в спорах между коммунистами, сторонниками советского строя и либералами теряется главное. А именно — неспособность российской политической элиты обеспечить преемственное и динамичное развитие государства, вовремя вписаться в циклы мирового развития. Российские и советские консерваторы стояли до последнего, не давая провести давно назревшие рыночные и демократические реформы, но в результате победили вовсе не они, а наиболее радикальные силы, будь то коммунисты-большевики, до основания разрушившие рынок и прежнее государство после революции 1917 г., или номенклатурные либерал-большевики, разрушившие на протяжении 1990-х годов советское государство и советское общество со всеми их позитивными и негативными проявлениями. Очевидно, что еще одного такого радикального разрушения всего общества и государства Россия больше не переживет — на это не хватит ни демографических, ни экономических, ни интеллектуальных ресурсов. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы новый поворот в мировом развитии (к счастью, на этот раз не столь ради-

кальный, поскольку речь идет о переходе мира в начале 2020-х годов к фазе революции мирового рынка, а не к фазе технологического переворота) не застал бы Россию и ее политическую элиту в очередной раз врасплох. В этом отношении как “либеральная” (на деле псевдолиберальная), так и “консервативная” (на деле псевдоконсервативная) части нынешней российской политической элиты явно не способны обеспечить полноценное развитие страны и преодоление следующих один за другим кризисов. Пока что в России не сформировались полноценные политические и экономические субъекты и институты, не преодолен раскол общества и отчуждение власти от общества, а это прямо угрожает самостоятельности и целостности России. Времени для формирования таких полноценных субъектов и институтов остается не так уж много — самое большое до конца 2010-х — начала 2020-х годов. Если в России в результате грядущих кризисов и потрясений не сформируется политическая сила, понимающая национальные интересы и обладающая политической волей, если российское общество по-прежнему будет глубоко расколотым и аморфным, выход из тупика вряд ли будет возможен.

Бродель Ф. 1992. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.* Т. 3. М.

Кондратьев Н.Д. 1989. *Проблемы экономической динамики.* М.

Лапкин В.В. 2010а. Глобальная динамика в эпоху великих потрясений: проблемы концептуализации. — *История и современность*, 2010, № 1.

Лапкин В.В. 2010б. Императив концептуализации глобальной динамики в эпоху великих потрясений. — *Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник 2009 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев.* М.: РОССПЭН.

Маевский В.И. *Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика.* М.

Пантин В.И. 1996. *Циклы и ритмы истории.* Рязань.

Пантин В.И. 2004. *Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации.* М.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2006. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века.* Дубна.

Полтерович В. 2009. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации. — *Вопросы экономики*, № 6.

Турчин П. 2010. Процессы, влияющие на среднесрочную динамику политической нестабильности в США (2010–2020 гг.). — *Экономические стратегии*, № 5.

Шлезингер А.М. 1992. *Циклы американской истории.* М.

Янов А. 1991. Истоки автократии. — *Октябрь*, № 8.

Янов А. 1997. *Тень Грозного царя. Загадки русской истории.* М.

Klingberg F.L. 1952. The Historical Alteration of Moods in American Foreign Policy. — *World Politics*, January 1952.

Klingberg F.L. 1983. *Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods: The Unfolding of America's World Role.* Lanham, Md.

Turchin P. 2003/ *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall.* Princeton.

Turchin P., Nefedov S. 2009. *Secular Cycles.* Princeton.

